

В середине душистой бездны

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Милорад Павич.
«Вывернутая перчатка».
Азбука-Классика, 2002.

Несмотря на широкую известность и даже канонизированность в культуре, Павич все-таки остается большой загадкой. Его символический сюр давно стал привычным и воспринимается, как что-то очень знакомое, почти домашнее. У святого Саввы «вместо души была луна». Как это понимать? А никак. Просто вместо души луна. Это мир гороскопов, гаданий и загадок либо с множеством отгадок, либо вообще без отгадки. Почему шляпа проповедника с широкими полями и двумя лентами подвешена на дерево? Почему она время от времени душист лентами людей и несколько раз задушила самого проповедника? И, наконец, почему в одном рассказе действие пять раз начинается сначала и опять кончается удушением шляпой? И при чем тут алая перчатка, которая с изнанки зеленая? А потому она же зеленая, а с изнанки алая.

Павич знает, что тайна нашего мира неисчерпаема. Все вокруг является шифром и кодом. Время от

времени что-то удастся прочесть, но только для того, чтобы погрузиться в другую тайну. «Смотри! Даль ночная выглядит сейчас, как прошлое, доступное не ночи, лишь воспоминаниям. А мертвые помнят всю свою жизнь, не помнят они только час и причину смерти...». В новелле «Шекспировский сад» автор пишет, что позади дома Шекспира находится сад из цветов и растений, упомянутых в его пьесах, а рядом продается шекспировский мед, собранный пчелами

только с этих растений. Но если вы отойдете от дома, вы увидите вокруг в точности такие же сады, хотя их растения и цветы никто специально не выбирал. «Кто же кого породил — сад Шекспира или Шекспир этот сад?». Это одна из самых прекрасных новелл Павича. После нее на устах остается вкус шекспировского меда, ноздри обоняют аромат шекспировского сада, а слух заполняется гулом шекспировских пчел, собирающихся в садах мед. Я невольно перехожу здесь на стиль самого Павича. Он пишет не словами, а пчелами, птицами и цветами.

Адриатика — это особый ареал балканской культуры. Тут все густо замешено на крови не только в истории, но и в литературе. Пустословием в таком тесном пространстве не поиграешь. Каждая произнесенная фраза может обернуться трагедией на века. Милорад Павич это знает. Он не стилизует древние хроники и легенды, он создает их заново, намекая каждой фразой, что и эти слова рано или поздно растают в бесконечности или изменятся до неузнаваемости.

Автор обращается не к читателю, а к ученику. Быть учеником этого духовидца и прорицателя интересно, но страшно. Он не из тех, кто знает тайну, но он знает о су-

ществовании тайны. Дети любят сказку и жаждут чуда. С годами любовь к сказке угасает, а жажда чуда становится просто жадой. Павич заставляет вспомнить страшный мир детства, где каждый предмет, даже шляпа с лентами, может задушить. К этой прозе нельзя привыкнуть, потому что каждый раз она читается по-другому. Имитируя эту особенность, он не боится несколько раз в одной и той же вещи повторить один и тот же сюжет, меняя два-три предложения в привычном и даже уже надоевшем тексте. Цитата, потом цитата цитаты, потом цитата цитаты цитаты и так далее до бесконечности. Павич остановится и прервет сюжет именно в тот момент, когда появится ощущение бесконечности. Ему только этого и надо. Так что добро пожаловать в лабиринт, из которого можно выйти только в воспоминание юности или детства. Или, наоборот, нырнуть в старость. Это еще одна хитрость Павича. Он пишет от лица мальчика и старца одновременно, искуснейшее переплетая и чередуя повествование по китайскому принципу, где есть Старик-младенец по имени Пань-Гу. Писатель ведет нас из бесконечности в бесконечность, чтобы внезапно прервать повествование где-нибудь посередине душистой бездны.

Новые Известия — 2002 — 26 окт. — с. 7